

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ПРИЁМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ЗОНЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВЛИЯНИЯ МОСКВЫ

© 2019 С. В. Рогачёв

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия
e-mail: rogachev.mgu@gmail.com*

Крупный город выстраивает окружающее пространство, ориентируя его на себя, пропитывая его элементами своего образа жизни и образа мыслей. На некотором удалении эти элементы начинают размываться и, более того, обращаться в свои противоположности. Эти изменения качества в пространстве географически чутко фиксируются в фольклоре, художественной литературе, живописи, кинематографе. Народная или авторская наблюдательность замечает и выделяет местности, удалённые от центра настолько, что они уже явно диссонируют с центром, но ещё воспринимаются как затухающая пространственная пролонгация центра, а не как иные районы. В образных характеристиках таких местностей фигурируют элементы фобий и таинственности. К таким местам принято приурочивать странные события и поступки. Населённые пункты, расположенные на некотором удалении от ядра района, часто становятся объектами насмешек столичных остроловов. Подчёркивается метахронность процессов, протекающих на периферии и в центре. Соответствующие сюжеты, имеющие чёткую пространственную адресацию, систематизированы и рассмотрены на примере периферии района, формируемого Москвой. Эти маркёры провинциальности образуют вокруг столицы кольцообразное облако точек с хорошо выраженным восточно-северо-восточным эксцентриситетом.

Ключевые слова: страноведение, районирование, пространственный анализ, центр – периферия, границы, расстояние, провинция, Центральная Россия.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-3-2

Введение и постановка проблемы. Интенсивность взаимодействия городского центра с окружающими объектами убывает в соответствии с широко известной гравитационной моделью, пропорционально квадрату расстояния. В географии хорошо разработана методика разграничения зон преимущественного влияния разных центров между собой. Это, однако, не снимает вопроса о пределах распространения значимого, существенного влияния. Между городами *A* и *B* может быть теоретически и по полевым исследованиям чётко определена линия, по одну сторону от которой потоки и умонастроения населения ориентируются чаще на *A* или на *B*. Но это не означает, что находящиеся в этой «пограничной» полосе пункты принадлежат к сплочённым функциональным районам, сформировавшимся вокруг *A* или *B*. Граница зон преимущественного влияния, например, Москвы и Петербурга может проходить по Вышнему Волочку, Бологему или Чудову, но это вовсе не значит, что Вышний Волочек, Бологое или Чудово относятся к «Подмосковью» или «Подпетербуржью».

Что же можно называть сплочённым районом, зоной непосредственного влияния крупного города? В географической науке давнюю историю имеют попытки определить эту территорию как область движения пригородных поездов или как ареал, из которого осуществляются ежедневные маятниковые миграции в центральный город. Но маршруты электричек то удлиняются, то укорачиваются, появляются новые экспрессы (по виду электрички, по сути – поезда дальнего следования), к ним прибавляются новые междугородные автобусные линии, множественные поездки на личных машинах. Странно было бы считать, что если, например, московскую электричку продлили от Можайска до Вязьмы, последняя тут же стала «Подмосковьем» или, если электричку срезали (а в последние треть века было и то, и другое), Вязьма из района вышла. Ежедневные трудовые маятниковые миграции, на первый взгляд, могут быть объективизированным индикатором «привязанности» территории к центральному ядру. Но и их размах меняется при изменении скорости транспорта: появились уже чуть ли не ежедневные 600-километровые

маятниковые миграции на «сапсанах». Кроме того, с пределом ежедневной доступности, маятниковая миграция не иссякает: на большем удалении сохраняются поездки в режимах «сутки через трое» и недельной вахты. Вообще, сегодня, когда едва ли не вся страна, откатившаяся в формационном развитии на полтора века назад, охвачена отходническим движением, установить предел «размаха маятника» затруднительно.

Предполагать, что размеры и очертания района, формируемого центральным городом, могут определяться развитием транспорта или миграционной ситуацией, значило бы отказывать географическому пространству в наличии имманентных свойств. Ускорение и интенсификация связей ещё не есть сближение.

Попробуем подойти к определению «близкой», «присущей» центру окрестности иным путём, противоположным. Вернее, дважды противоположным. Во-первых, не количественным, но качественным. И, во-вторых, не путём инвентаризации привязанных к центру мест, но путём обнаружения ближайших к центру мест, которые можно считать из-под влияния центра выпадающими. Эти места, где впервые по мере удаления от центрального города появляются признаки несогласованности, диссонанса с центром, оппозиционности центру, жизненной метахронности с центром и т.п., по-видимому, и можно считать маркерами окончания непосредственной зоны влияния центра, умирания ядра в пространстве.

Обзор ранее выполненных исследований. Подобную модель качественного определения от противного предложила когда-то Н.Ю. Замятина в остроумном олимпиадном задании. Участникам предлагалось представить, что они идут через центр города и в какой-то момент ловят себя на мысли: «А я ведь уже не в центре!». Требовалось привести как можно больше вариантов наблюдений, позволяющих сделать такой вывод [7]. В нашем случае речь идёт не о городской среде, а о пространственной семантике района. Где, на каком удалении от ядра появляется нечто необыч-

ное, и как это фиксируется в общественном сознании: в фольклоре, художественной литературе, живописи, кинематографе? Наиболее значительную инвентаризацию аллюзий к «не центру» – «захолустью» в русской литературе провёл А.Ф. Белусов [2]. Однако его, литературоведа, не интересовал пространственный аспект – географическое место точек этой семантической области.

Рассмотрим некоторые индикаторы «прекращения центра и торжества периферии» на примере Московского (Центрального) района России. Каково может быть там, где кончается патронирующее, организующее, поддерживающее и стимулирующее влияние ядра?

Во-первых, **страшно**. Эту характеристику, как и все последующие, не следует понимать буквально. Речь идёт не о том, что где-то за границей прямого влияния центра сейчас (или, тем более, всегда) страшно. Речь о том, что на некотором удалении от ядра фиксируются предания о страшном, случавшемся там. Даже очень давние предания о том страшном в рубежных полосах закрепляются, бытуют, проходят последующий литературный апгрейдинг, формируя целые имиджевые пространственные гирлянды. Лучшие подобные детекторы – разбойничьи предания. На дальних южных подступах к Москве – целый пояс местностей, к которым «прилипли» легенды о разбойнике Кудеяре: его притоны, заколдованные клады, топонимы, якобы образованные от его имени, и даже его окаменевшая лошадь (Конь-камень в Данковском районе Липецкой обл.). Кудеяров цикл подхватывается народными этимологиями южных монастырей: о раскаявшемся разбойнике Опте, якобы основавшем Оптину пустынь, о разбойниках Добром и Лютом – основателях монастырей Добринского (Доброго) и Лютикова в тульско-калужском пограничье [16]. Даже название города Ефремова народная этимология привязывает к некоему разбойнику Ефрему [11]¹. Серийную мифологию пролонгирует писатель Т.В. Чурилин, который, изображая свою родную Лебедянь под именем Тяпката-

¹ Не будем повторять общеизвестную истину, что народные этимологии и т. наз. местные предания неверны. Нет смысла даже вступать в обсуждение их исторической достоверности. В сказках, однако, – намёк. Для географа важно, что сюжеты предания, пусть даже и сочинённые постфактум, «высвечивают» особенности географического положения тех или иных местностей и объектов, показывают, какого рода семантика может казаться правдоподобной в том или ином пространственном контексте.

ни, выводит придуманного народной молвой её основателя-лиходея:

И восста основатель по поверию града нашего, разбойничек Тяпка Иаков и ходил как живой во всем обличьи и созывал всех из домов и гробов на гулянку («Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа»).

Восточнее мифологическая линия продолжается вельтмановскими мещерскими разбойничками, поджидающими купцов, «едущих с товарами в путь из Касимова» («Что отуманилась, зоренька ясная...») и житием Серафима Саровского – эпизодом нападения разбойников на старца. На нижегородском юге Кудеярова гирлянда смыкается с разинской, в частности, воспоминанием об Алёне Арзамасской – монахине, ставшей во главе отряда восставших и сожжённой впоследствии в Темникове [13]. Макарьев монастырь на Волге стал краевой точкой продвижения разинцев к Москве, а о близлежащих сёлах Даль фиксирует следующие мнения: «Лысковцы – народ честный; коли не вор, так мошенник», «Сыщи в Лыскове (ныне город Нижегородской обл. – С.Р.) не пьяницу, не мошенника, а в Юркине не разбойника» [5]. На севере, на Ветлуге, обнаруживаем легендарного разбойника Лялю, которому Николай Рубцов посвятил целую поэму («Разбойник Ляля (лесная сказка)». 1969). По водоразделу Волги и Сухоны в глухом вологодско-костромском пограничье тянется цепочка топонимов с разбойничьей народной этимологией [3].

Во-вторых, **таинственно**. Если то, что мы выше отнесли к смысловой области «страшное», основывается на реальных фактах, пусть и мифологизированных, «таинственное» – плод чистого вымысла. Это проявление психологического состояния человека, удалившегося от центра настолько, чтобы ощутить себя в глуши, лицом к лицу с неизведанным. Фантазии, индуцированные ощущением удалённости и затерянности. Примеры «таинственных» маркёров – оз. Бросно в Андреапольском районе Тверской обл., где будто бы живёт русский Несси, Чёртово городище под Козельском, оз. Светлое (Светлояр) в Нижегородском Заволжье, под водной гладью которого якобы сокрыт праведный град Китеж. В последнее время в Интернете ореол таинственности пытаются придать Ивачевскому озеру под Череповцом. Куприн дважды метит рубеж районной трансцен-

дентности чёрными молниями – где-то в треугольнике между Устюжной, Весьёгонском и Бежецком (рассказ «Чёрная молния») и в мещерской Курше, между Касимовом и Клепиками («Фердинанд»).

В-третьих, **укромно**. На периферии – убежищная зона для тех, кто не в ладах с центром, но так или иначе от центра кормится. Наиболее ярким таким маркёром были старообрядческие керженские-чернораменские скиты в Нижегородском Заволжье, почти опозитизированные П.И. Мельниковым-Печерским (дилогия «В лесах» и «На горах»). Они занимали по отношению к Московскому ядру положение, достаточно удалённое и потаённое, чтобы не мозолить глаза властям, но при этом достаточно близкое, чтобы пользоваться материальной подпиткой богатых московских старообрядцев Рогожского кладбища.

«Субпараллельная» Керженцу, но ещё несколько более удалённая от Москвы Ветлуга была известна как зимний притон разного рода беглого элемента – тех, кто во время навигации бурлачил или разбойничал на Волге, снимая тем самым маргинальную ренту с торговли Московского центра. Об этом писал ещё М.В. Ломоносов [9]. Семантические маркёры не рекомендуют злодеям приближаться к Москве ближе Ветлуги. Народная песня «Ты взойди-ка, красно солнышко...» рассказывает о нарушителях мысленного рубежа, дерзнувших подойти к Москве ближе. Топографически педантично обрисовываются ориентиры:

Обогрей-ка нас, добрых молодцев...

Солдат беглых, беспачпортных!

Как по Волге, Волге-матушке,

Повыше было села Лыскова,

Пониже села Юркина,

Против самого села Богомолова,

Вытекала тут быстра речушка,

По прозванью речка Кержинка...

Москва, готовая на Керженце ещё терпеть скитников-раскольников, не намерена терпеть разбойников, что и предвещается:

Атаманушки быть зарезану,

Эсаулушки быть повешену [14].

В пояс укромности вписывается и тайная типография просветителя и масона Новикова, действовавшая в с. Пехлеце на юге Рязанщины (ныне Кораблинский р-н).

В-четвёртых, **тихо, замшело и упадочно**. «... Пахнет унынием и упразднёностью,

как и повсюду в Кашине» («Современная идиллия» М.Е. Салыткова-Щедрина). Свою повесть, прототипом географического героя которой является Сасово (тогда принадлежавшее Арсеньевой село, ныне город на юго-востоке Рязанской области), Тургенев называет «Затишье». Баратынский, вернувшись в родовую тамбовскую Мару (на крайнем востоке нынешней области), пишет элегию «Запустение». А.Г. Малышкин свой пензенский Мокшан вводит в роман «Люди из захолустья» под именем Мшанска. Сергей Атава очерки о своём Усманском уезде Тамбовской губернии называет «Оскудение» [18]. Арзамас у Горького – «Городок Окуров». На нижегородском юго-востоке, в Болдине Пушкин пишет «Историю села Горюхина». Впечатления писателя-сатирика М.Я. Козырева от поездок на родину в Лихославль (Тверская обл.) стали сатирическими рассказами о городе Заваяйске. У В.А. Курочкина (известен как автор экранизированной повести «На войне как войне») повесть о родных местах по речке Холохольне (под Старицей) получает название «Заколоченный дом». В обилии приставок «за-» в этой фикшн-топонимии ощущается мыслительная пространственная подоплёка: диагностика выхода «за пределы».

Художник А.С. Степанов в свой вышеволоцкий период творчества пишет картину «Глухая провинция» (1900-е гг.). Мотив периферийной дегенерации чёрной линией проходит по Тверскому Верхневолжью Салыткова-Щедрина в «Господах Головлёвых» [12] и между Ефремовом и Ельцом в «Деревне» Бунина, где бунинская Огнёвка превращена в Дурновку. Подобными же символами прекращения района в пространстве служат две знаменитые картины об умирающих усадьбах-анахронизмах: «Всё в прошлом» Максимова (1889), задуманная в Тверском Заволжье, в полусотне километров к северо-западу от Кимр, и «Призраки» Борисова-Мусатова (1903), написанная в Зубриловке (треугольник между Пензой, Тамбовом и Саратовом).

В-пятых, **непроходимо** в пространстве. Доступ в тамбовский, а ныне западномордовский Темников, согласно П.А. Козлову (известен как автор слов романса «Забыли вы...»: «Глядя на луч пурпурного заката...»), определяется оксюморонами:

В нём жизни нет, но прозябанья много...

Непроходимый путь к нему ведёт... («Городок». 1887 [10]).

Непроходимый путь во всей красе изображён на картине И.И. Творожникова «Бездорожье в Тверской губернии. Земский врач» (конец XIX в.). Непроходимость – главная тема «Епифанских шлюзов» (юг нынешней Тульской области) Платонова. Повесть об остановке, о неспособности Московского района вырваться из волго-окских объятий и перевалить в бассейн Мирового океана оканчивается чёрно аффектированной точкой: пришедшее из Англии письмо, адресованное уже казнённому инженеру, кладётся в Епифани «за божницу – на вечное поселение паукам». Это метка на юге, на севере же – ещё более выразительный детектор замирения: левитановская «Над вечным покоем» (1894), написанная у оз. Удомля, где спустя столетие новыми маркёрами *достаточной* удалённости от Москвы поднялись реакторы Калининской АЭС.

Хотя на московско-петербургской полимагистрали гудит вечное, идущее сквозь территорию, движение, движение русской мысли всякий раз останавливается, спотыкается где-то возле вышеволоцкого водораздела. На «Трассе Е-95» (нынешняя «М-10») в Выдропужске, между Торжком и Вышним Волочком выдры выходят из нор и перегрызают телефонный кабель, не позволяя Константину Кинчеву дозвониться из Москвы в Питер (клип группы «Алиса». 1996). Современная поэтесса Мария Степанова повествует о некоем мистическом шофёре,

Что провёз меня по всей Расе

И зарезал около Торжка. (Беглец. Из цикла «Песни северных южан»).

Б.Б. Гребенщиков прочно, словно полупроходная рыба в аквариуме, умудряется застрять ещё ближе к Москве – «на пути из Калинина в Тверь».

В-шестых, **замедленно** во времени. Оказывающиеся в этих местах столичные гости попадают как бы в прошлое. Побывавший под Старицей в Бернове Пушкин восклицает: «Для них не прошли ещё времена Фонвизина. Между ими процветают ещё Простаковы и Скотинины!» [19]. От создания фонвизинской пьесы до появления пушкинского «Романа в письмах», откуда взята эта цитата, прошло 43 года. Инна Гофф, заплывшая в 1970-м г. в замещерский Касимов на окском теплоходе, поражается купеческому, лабазному колориту города и употреблению слова «мещанка» в давно забытой нейтральной

ной коннотации: «Эта женщина тоже была откуда-то издалека, из тех времен, когда слово мещанка ещё не звучало бранно, а лишь определяло сословие» («Кругосветка»). Полвека не рекорд метахронности. Ахматова в мужнином бежецком Слепнёве констатирует, пусть и иронично гиперболизируя, полуторавековой лаг:

А мы живём как при Екатерине:

Молебны служим, урожая ждём. (Течёт река неспешно по долине. 1917).

Б.А. Садовский, уроженец нижегородского Ардатова, в стихотворении «Уездный город» (1905) даёт такое измерение времени:

Здесь сорок лет что год один.

Не знают люди перемены...

Игорь Северянин обвиняет Череповец, где прошли годы его юности, в том, что тот стал тормозом развития самого поэта:

Давно из памяти ты вытек,

Ничтожный город на Шексне,

И мой литературный выдвиг

Замедлен по твоей вине... (Поэза детства моего и отчуждения. 1912).

То был Череповец до промышленного взлёта. С появлением металлургического гиганта оценка географического положения города должна была, казалось бы, радикально измениться. И, как слышим у современного «менестреля» Дмитрия «Дее» Курцмана («Череповец»: «71-й стоял у моста...»), она и вправду вроде бы изменилась. Метахронность, кажется, поменяла знак. Взросление здесь не замедлилось, как при Лотарёве-Северянине, а ускорило: вошедший в поезд металлург-череповчанин – старик, хотя ему лишь 25. По существу, индустриальное развитие не изменило краевого географического положения «вне московского времени»:

Время течёт как тяжёлый металл.

На Селижаровской железнодорожной ветке (Торжок – Соблаго) по сю пору живы семафоры, машущие механическими руками.

В-седьмых, **странно**. Иронизируя над городками, «вращающимися» на дальнем эшелоне околomosковской орбиты, столичные сатирики дразнят их иностранными, порою даже вселенскими аллюзиями. Чехов в уста депутатов торжокской думы вкладывает решение «пригласить папу римского перебраться в Торжок – избрать его резиденцией», а земцев курской Обояни подозревает в намерении «прорыть канал от Обояни до луны и ... построить на земский счет Вави-

лонскую башню» [21]. Персонаж Салтыкова-Щедрина приводит в восторг жителей Весьёгонска намерением изгнать англичан из Индии («Современная идиллия»). Когда героиня повести Инны Гофф «Юноша с перчаткой» спрашивает у уроженца Касимова, на что похож его город, в ответ слышит: «Касимов похож на Тананариве... Столицу Мальгашской республики...». Рекорд замера менее чем двухсот километров, разделяющих Москву и место жительства своего персонажа, ставит М.Л. Анчаров в «Самшитовом лесе»: «Ты, случайно, не марсианин? – спросила завуч. – Ах да, ты из Калязина...».

В-восьмых, **инородно**. Москва, мощный русификатор, донёсший своё этническое форматирование до Сахалина и Курил, не смогла одолеть несколько «островов», находящихся совсем близко, в 200–300 км от неё: рязанская мордва, тверская корела, касимовские татары. Эти единичные данности, впрочем, можно было бы и не рассматривать как маркёры районной границы, если бы они не дополнялись «по кругу» ещё относительно свежими воспоминаниями о ряде субэтнических «подмосковичей»: пошехонцы, сицкари (по р. Сить), теблешане (их даже соседи-бежечане считали несуразными, инородными и называли индейцами [15]), тудовляне (по р. Молодой Туд) [17], замеченные Тургеневым орловско-калужские полехи [8], амчане (жители Мценска, которые будто бы были крещены только в конце XV в.), новосильские казаки в орловско-тульском пограничье, цуканы в нынешнем Тербунском районе Липецкой обл., куршаки в рязанской Мещере (куршаков ещё сто лет назад дразнили «литвой некрещёной») [4]. Совсем недавно на этнографической карте востока Нижегородской обл. (Дальнеконстантиновский р-н) ещё читалась мордва-терюхане. Писатель Н.И. Кочин, уроженец того же Дальнеконстантиновского р-на, переименовывает родное село Гремячую Поляну в Немыгую Поляну, населяет её сплошь рыжими (роман «Девки». 1928–1931).

Хотя упомянутые субэтносы сегодня на местности практически не проявляются, они на рубеже XIX–XX вв. успели «институализироваться» как в научной, так и в художественной (Тургенев, Салтыков-Щедрин, Куприн, Паустовский и др.) литературе, отчасти музеефицированы, отчасти воплотились

в фольклорные коллективы и, следовательно, присутствуют в пространстве как семантическая данность. А возможно, и ждут своего ренессанса, как какие-нибудь провансальцы или мэньцы. В последнее можно поверить, принимая во внимание «подмышкинский процесс» – конструирование в наши дни, пусть и в целях привлечения туристов, «этнота» кацкарей в окрестностях г. Мышкина в ярославском Верхневолжье, по речке Катке.

В «Записках охотника» Тургенев описывает «самоидентификацию» мальчика из Мценска, представляя жителей как особую «национальность», нарочито упирая на противопоставление «Местность – централизованное пространство»:

«...Русский ты?» – «Я амчанин, тятя: в Амченске родился». – «О, глупая голова! да Амченск-то где?» – «А я почём знаю?» – «В России Амченск, глупый». – «Так что ж, что в России?» («Татьяна Борисовна и её племянник». 1848).

Спустя век с четвертью та же местно-пространственная модель разговора повторяется у мальчика с Тверского Верхневолжья:

– ...Вы с мамой жили в доме, а дом свой любишь?

– Да.

– А дом расположен в городе Калязине. А Калязин ты любишь.

– Да.

– Прекрасно... А Калязин расположен в нашей стране... Значит, что ты любишь?

– Калязин.

Учитель помолчал.

– Трудно тебе будет, – сказал он. (М.Л. Анчаров. Самшитовый лес. 1979).

В-девятых, *не по себе*. Столичный житель, попадая на определённое удаление от центра, ощущает принципиальное несоответствие своих жизненных установок линии поведения автохтонов. Это

И осуждающие взоры

Спокойных загорелых баб,

преследовавшие Ахматову под Бежецком (1913).

И ощущения Куприна от светского общества мешчерской Тумы, которые он «скромно» сформулировал так: «Мы всё-таки были людьми с другой планеты. Выходило так, что мы наших соседей рассматривали в микроскоп, а они нас – в телескоп». («Попрыгунья-стрекоза»). Для Цветаевой столкновение с тамбовским югом стало настоящей травмой. Описывая происшедшее с нею в поездке в

Усмань (ныне в Липецкой обл.) в годы Гражданской войны, она несколько раз указывает на нескрываемый периферийно-московский антагонизм: «Ты, вишь, московка, невнятная тебе наша жизнь», «Ещё лужу подотрите!.. Да вы не так!.. Разве в Москве у вас другая манера?» («Вольный проезд». 1924). Борис Пастернак, попав примерно на тот же рубеж, только несколько восточнее, ошарашен:

Где? В каких местах? В каком

Дико мыслящемся крае? (Мухи в мучкапской чайной. 1917).

Современный художник В.В. Шульженко, известный своими мизантропическими изображениями быта русской провинции, прямо и без какой-либо политкорректности указывает координаты своего Кастальского ключа: «Мои персонажи для меня – вроде дикарей для Кука. Насмотрелся на них в детстве, когда жил на даче под Касимовом» [22].

Вышеприведённые граничные ощущения основываются на реальных наблюдениях и их рациональном осмыслении. В русской классике есть и прецедент чувства пограничности, который в пору счесть трансцендентным – это знаменитый «Арзамасский ужас» Л.Н. Толстого: описанное им самим состояние смертного рубежа, на котором он ощутил себя, следуя из Москвы в Пензенскую губернию. Нечто похожее своей необъяснённой, хотя и не столь драматичное, встречаем в книге современного географа, геоморфолога В.И. Евдокимова:

Здесь, между станциями Раненбург и Павелец Юго-Восточной железной дороги, находится особый участок пути. Не то чтобы опасный, нет, но именно здесь между пассажирами обязательно происходят недоразумения. Они, бывает, ссорятся, бывает, сближаются. Но всё – на повышенных тонах, с ехидством, радостью, озлоблением, раздорами и каким-то даже азартом... Я здесь проезжал неоднократно, знаю» [6].

Возможно, в череде явлений подобной экзистенциальности и близкой географической рубежности следует рассматривать и творчески азартную Болдинскую осень Пушкина.

В-десятых, *смешно*. «Что в Корчеве родится? Морковь? Так и та потому только уродилась, что сеяли свёклу, а посеяли бы морковь – наверняка уродился бы хрен». Так Салтыков-Щедрин в «Современной идиллии» припечатывает свои родные верхневолжские места. Корчевы уже 80 лет как нет, а подобные саркастические, уничижи-

тельные характеристики периферии Московского района продолжают жить в литературе народной молве, репродуцируются в кинематографе и телевизионных проектах. Шедевром географического пейоратива является, конечно, лермонтовское «Тамбов на карте генеральной...».

Пошехонье и Чухлома – названия этих городов, каждого по отдельности, давно уже, и у многих авторов, стали нарицательными обозначениями глуши [1, 2]. Дополнительно по ним, сразу по обоим, прошёлся ещё Чехов, разыграв в своей назидательной лотерее «место на Чухломо-Пошехонской железной дороге», заведомо не могущей существовать («Ёлка». 1884). Приклеившаяся к горожанам Ветлуги (прежде Костромской, а ныне Нижегородский север) дразнилка – будто бы они «лапотники, город выплясали». Якобы Потёмкин заставил плясать тамошних селян (тогда это было село Верхнее Воскресенье) перед Екатериной в лаптях, что царицу позабавило, и тем лапотники заслужили возведение своего села в ранг уездного города. Устюжна и Малоархангельск наперебой претендуют на то, чтобы считаться местом, где в действительности происходили события, высмеянные в гоголевском «Ревизоре». К ним в борьбе за эту честь присоединяется саратовский Петровск (близ пензенской границы), в отношении которого Чернышевский ещё подлил масла в огонь, вернее – ещё более притушил на карте тлеющий огонёк Петровска своим снисходительным замечанием: «...Пусть Петровск пользуется хоть этой известностью, при совершенной невозможности иметь никакой другой» [20]. Прямо противоположная «ревизоровской», но едва ли не более комичная ситуация наблюдалась в тверском Оленине, где в 1920 г. местное начальство попыталось арестовать ни много ни мало В.И. Ленина и Н.В. Крыленко (прокурора республики, а вчера ещё главковерха действующей армии) как самозванцев. Руководители страны скромно возвращались с охоты через станцию Оленино – настолько отдалённую от Москвы, что здесь не знали Ленина в лицо и никак уж не могли поверить в реальность его появления на этом укромном рубеже.

Васильсурск и Козьмодемьянск спорят за то, чтобы считаться прототипом Васюков из «Двенадцати стульев». В этом же романе Ильф и Петров походя шутят о североко-

стромском Кологриве. Популярные герои советских анекдотов – Чапаев и Фурцева – родом соответственно из-под Чебоксар и из Вышнего Волочка (автор никоим образом не солидаризируется с рассказчиками этих анекдотов о достойных людях, но не может не констатировать, что приписываемые мифологизированным персонажам качества – простоватость, периферийность, культурная неискущённость – географически наблюдательно привязаны к местам происхождения). Среди новейших пополнений географических пейоративов – Бельдяжки (под орловскими Кромами), позабавившие зрителей фильма «О чём говорят мужчины» (режиссёр Д. Дьяченко, 2010), и пос. Советское под Тамбовом, ранее называвшийся Верхние Пупки, откуда будто бы родом Жора Пузыкин, персонаж телевизионного скетч-шоу «Даёшь молодёжь!».

Периферийное положение Арзамаса иронически обыграно Аркадием Гайдаром в его знаменитой «Школе» (1929). Местный богач выписывает из Москвы крокодила (уже слишком далеко, чтобы бывать в московском зоосаде, но достаточно близко, чтобы проявлять просвещённость и интересоваться экзотической фауной). Когда крокодила везут с вокзала в телеге, церковный пономарь, приняв множество любопытных за крестный ход, встречает процессию колокольным звоном.

Наиболее ёмкую и лаконичную формулу маркера границы влияния Центра даёт К.Г. Паустовский в своей «Повести о жизни» (1954): «...Куда бы поехать, где найти поближе к Москве самый глухой уезд». Идеальным кандидатом был признан южнотульский Ефремов.

Выводы. Для нас важен не столько сам этот выбор, сколько минимаксная формула выбора Паустовского. В ней, собственно, выражена изложенная в настоящей статье методика выделения района: обнаружение ближайших к Москве местностей, обладающих признаками глуши. Разумеется, такими признаками обладают многие и более удалённые местности. Но на большем удалении подобные маркеры сильно разрежены и географического единства не образуют; в некоторой же окрестности Москвы они составляют плотный кольцеобразный овал, эту ионосферу, мерцающую мертвенными спо-

лохами «нецентральности». Это географическое место точек, до которого сравнительно часто доходит внимание мыслящего Центра (безымянных остроумцев, подмечающих особенности географического положения в поговорках и прибаутках, и представителей центральной интеллигенции) и где тот испытывает некоторую фрустрацию. На большем удалении от Москвы в характеристиках местностей начинают преобладать не детекторы периферийности, а просто инорайонные характеристики. Там уже не окраина, там иные края: степь – у Чехова, Шолохова, Серафимовича, Прикамье и Урал – у Решетникова, Осоргина, Мамина, Бажова, Север – у Астафьева, Белова, Шергина, Писахова.

Складывающееся на удалении Московского ядра облако детекторов периферийности имеет вид неправильной формы кольцеобразного овала, внутри которого возможно провести аппроксимирующую замкнутую кривую. Прямое влияние Москвы, поддерживаемое долинами Клязьмы, Оки и широтной Волги далее всего уходит на восток-северо-восток – почти до восточных границ Нижегородской обл. Значителен выход и на юг – примерно до линии Каспийско-океанического водораздела (бассейн Оки, с одной стороны, Дона и Днепра – с другой). Овал сильно примят на юго-востоке экранирующим эффектом Мещеры и на северо-западе – двойным барьером Клинско-Дмитровской гряды и Волги, которая на тверском и западнорославском участке прямо перпендикулярна исходящим от Москвы радиальным лучам. Хуже всего маркирована граница на западе. Что и естественно: ежевековые внешние вторжения с запада существенно деформировали культурную среду. Есть, впрочем, один западный маркёр, который по общеизвестности и выразительности сильнее десятков других. Это поговорка «Загнать за Можай», которая несколько веков назад означала «исторгнуть за рубеж». С отодвижением на запад политической границы поговорка, однако, не исчезла и продолжает сигнализировать о слабом, не укоренённом развитии района по западному вектору.

Применённый в настоящей статье метод получения сведений для выявления зоны

влияния города – не измерение (или сбор статистики), а коллекционирование. Мы используем в качестве диагностического инструментария творческое сознание людей (фольклорное, писательское, поэтическое, художественное). Есть ли в этом элемент субъективности? Явно не больший, чем в остроумных ныне опросах. Наши измерительные «инструменты» доказали свою работоспособность своей способностью воспринимать и осмыслять наблюдаемое в мире, эти «теодолиты» и «дальномеры» компарированы и юстированы жизненным опытом, тиражами изданий (или устной тиражированностью фольклора), признанием многомиллионной публики.

Является ли показанный здесь метод универсальным? Другими словами, может ли он быть применён не для Москвы? На остальной территории России – весьма ограничено. Наше культурное пространство всё-таки семантически и семиотически слишком разрежено, а на большей части территории – ещё и слишком молодо, чтобы предаваться саморефлексии. Выявить же с помощью подобных маркёров «окончание» Парижа в пространстве или расчертить ими германское пространство вполне реально.

Но легко ли? Нет. Это не для экспресс-анализа. Подобное коллекционирование и выстраивание пространственной системы у исследователя занимает годы. С развитием Интернета, однако, у рассмотренного метода появляются большие перспективы. Если на формирование основ представленной здесь коллекции автор, выкапывая и «ловя» случайные находки, потратил четверть века, то komponуя настоящую статью и ведя дополнительный целенаправленный поиск в Сети, всего за 25 дней почти на четверть увеличил «контент» – число маркёров. Информационное пространство становится доступнее и «сжатее». Но как будто только для того, чтобы помочь нам яснее понять, что такое материальное пространство остаётся по-прежнему географическим, управляемым фактором расстояния и свойствами среды – её дифференцированностью, поляризованностью, барьерностью, проницаемостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балашова Е.* Чухлома в русской литературе. URL: http://elilb-kostroma.ru/data/documents/Balashova_Chukhloma.html

2. Белоусов А.Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты / Отв. ред. Л.О. Зайонц. М.: Языки славянской культуры, 2004. 673 с.
3. Березович Е.Л., Кучко В.С., Сурикова О.Д. Топонимическое предание и исторический факт (на материале преданий о разбойниках восточного Вологодско-Костромского пограничья) // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 108–133.
4. Горбунов Б.В. Куршаки // Рязанская энциклопедия. Рязань, 1999. Т. I. С. 546–547.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чи-стоговорок, загадок, поверий и проч. М.: Изд. Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1862.
6. Евдокимов В.И. Трава самбурина. Записки рядового географа. М.: ООО «Издательство МБА», 2015. 315 с.
7. Замятина Н.Ю. Задачи Всеобщей заочной олимпиады // География. 1998. № 16. С. 12.
8. Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки // Этнологическое изучение Калужского Полесья как характерного этнологического района / Рязанский этнографический вестник. Научн. труды. Т. 1. Рязань, 1996.
9. Ломоносов М.В. О размножении и сохранении российского народа. 1761 г. // Беседы в Обществе любителей Российской словесности. Вып. 3. М., 1871. С. 72–86.
10. Люди земли Темниковской. URL: <http://tmn13.narod.ru/Famous/Kozlov.htm>.
11. Материалы для статистики Российской империи: издаваемые, с высочайшего соизволения, при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. Ч. 2. СПб., 1841.
12. На Верхней Волге: Памятные места Калининской области / Сост. Н.И. Мазурин и М.А. Ильин. М.: Моск. рабочий, 1978. С. 107–108.
13. Нижегородские предания и легенды / Сост. В.Н. Морохин. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1971.
14. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия / Изд. О-вом любителей рос. словесности при I Моск. ун-те. М., 1911–1929. Вып. II, ч. 2. (Песни необрядовые). М.: Тип. Кооператива «Наука и Просвещение», 1929. 212 с.
15. Путьяр В.В. Теблешское царство. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2005. 139 с.
16. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: [В 19-ти т.] / Под ред. В.П. Семёнова и под общ. руководством П.П. Семёнова, вице-пред. Русского геогр. о-ва и проф. В.И. Ламанского, пред. Отд-ния этнографии Русского геогр. о-ва. СПб.: А.Ф. Девриен, 1899–1914.
17. Смирнов Ю.М. В стране тудовлян (сер. «Пешком по Тверской области»). Тверь: ГЕРС, 2004.
18. Тамбовская область в художественной литературе. Рекомендательный библиографический указатель / Сост. О.И. Пчелинцева. Тамбов, 1989.
19. Черейский Л.А. Пушкин и Тверской край. Калинин: Моск. рабочий, Калининское отд., 1985. 143 с.
20. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 тт. / Под общ. ред. В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского и др. М.: Гослитиздат, 1939–1951. Т. 1. Дневники. М., 1939.
21. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. Т. 17. Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974–1982.
22. Шин А. Вася, который не любит русских. [Интервью с художником Василием Шульженко]. URL: <http://www.s-info.ru/star/exclusive/1539>.

Об авторе

Рогачев Сергей Вячеславович – научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Рогачев С.В. Нетрадиционные приёмы определения границ зоны непосредственного влияния Москвы // Региональные исследования. 2019. № 3. С. 16–25.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-3-2

Non-traditional methods of detecting the boundaries of Moscow direct influence zone

S. V. Rogachev

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

e-mail: rogachev.mgu@gmail.com

A large city shapes the surrounding space, orienting it towards itself, saturating it with elements of its lifestyle and way of thinking. At some distance, these elements begin to blur and, moreover, to turn into their opposites. These quality changes in space are geographically sensitively recorded in folklore,

fiction, painting, and cinema. People's or author's observation highlights localities far from the center, so much so that they are clearly discordant with the center, but still perceived as a fading spatial extension of the center, and not as other regions. Elements of phobias, mystery, pejorative appear in the figurative characteristics of such localities. Strange events and actions are usually associated with such places. Settlements located at some distance from the core of the district often become objects of ridicule of the capital city's wit. The metachronism between the periphery and in the center is underlined. The corresponding plots, which have a clear spatial addressing, are systematized and considered on the example of the periphery of the region shaped by Moscow. These provincial markers form an annular cloud of points around the capital with a well-defined east-north-east eccentricity.

Keywords: regional geography, zoning, spatial analysis, center – periphery, borders, distance, province, Central Russia.